

## К ВОПРОСУ О ДИНАМИКЕ НАРТОВЕДЕНИЯ И СТЕПЕНИ ИЗУЧЕННОСТИ НАРТИАДЫ У КАВКАЗСКИХ НАРОДОВ

Л.А. Чибиров\*



Л.А. Чибиров

**Аннотация.** Собрание и публикация версии нартовского эпоса (помимо абхазцев) началось примерно одновременно и равными интеллектуальными возможностями. Богатство и полнота осетинской версии эпоса – результат не особого внимания к ним собирателей и ученых, а того, что сказания зародились в скифо-аланской среде и нашли благодатную почву в быту осетин, в этногенезе которых аланский суперстат сыграл решающую роль.

**Ключевые слова:** нарты, сказания, изученность, запись, публикация, адыги, вайнахи, Кавказ, скифо-аланы, осетины.

К 20-м годам XX в. осталось позади полстолетия открытия и изучения основных версий «Нартиады», и сложилась общая картина об эпосе и его отдельных версиях. Тогда же один из знатоков эпоса, известный деятель осетинской культуры, художник и этнограф М.С. Туганов в своей статье «Кто такие нарты?», не сомневаясь в осетинском происхождении основы «Нартиады», писал: «Сомневаться в том, что сказания о нартах чисто осетинского происхождения, безусловно, не приходится. Характер передачи сказаний и обрисовка действующих героев, их обычаи, жизнь нартов от колыбели до смерти, с их радостями и горем, комизмом и трагедией – все это чисто осетинское. Фантазия осетина их родила, с ними жила и им же дала соответствующий конец» [21: 327]. М. Туганов считал нартовские сказания осетин наиболее полными, ибо из других народов Кавказа – носителей эпоса «ни один не знает ни начала, ни конца нартов, не говорит о том, где и когда родились нарты, кто жил до них и кто после, тогда как у осетин излагается все от начала до конца» [21: 373].

Спустя два десятилетия, когда в изучении «Нартиады» были достигнуты новые успехи, эту же мысль повторили крупнейший нартовед В.И. Абаев и известный историк-кавказовед Б.В. Скитский.

В 1945 г. Абаев писал: «В наибольшей полноте и богатстве нартовский эпос сохранился у осетин, в меньшей степени – у кабардинцев и черкесов, наконец, в самом фрагментарном виде – у балкарцев и карачаевцев, ингушей и чеченцев» [1: 7]. Эту же мысль ученый повторил в одной из последних работ о нартах: «Истоки эпоса ведут к легендам североиранских племен, скифов, сарматов, алан» [2: 212].

В 1947 г. выходит книга Б. Скитского «Очерки по истории осетинского народа», в котором нартовский эпос назван творчеством осетинского народа, и в числе пяти пунктов обоснования этого постулата первым следует: «В наиболее пол-

ном виде нартовский эпос сохранился у осетин» [20: 45]. К такому же выводу пришли в своих исследованиях Ю. Гаглойти, Ю. Дзидзойти и др.

До начала 50-х годов прошлого столетия, когда еще было неоспоримо положение о скифо-аланском ядре «Нартиады», никто не опровергал вышеизложенное положение. Однако в последующее время, особенно после выхода исследования В.И. Абаева «Нартовский эпос», оно стало предметом дискуссии для ряда ученых-нартоведов.

Оспаривать наибольшую полноту и богатство осетинских нартовских сказаний было невозможно – факт налицо. Потому оппоненты скифо-аланского ядра эпоса выдвинули версию – при сборе и публикации нартовских сказаний другим национальным вариантам эпоса уделялось меньше внимания, чем осетинским, и по этой причине осетинская версия «Нартиады» выдвинулась на передний план, превзошла другие. Это мнение наиболее четко было сформировано в рецензии В.К. Гарданова на указанную выше работу В.И. Абаева в следующей формулировке: «Следует иметь в виду, что у большинства народов Кавказа сказания о нартах еще недостаточно выявлены и изучены; возможно, что представление об исключительном богатстве нартовских сказаний у осетин основано, главным образом, на лучшей изученности (выделено нами. – Л.Ч.) осетинского фольклора» [7: 53]. Между тем это положение уважаемого профессора, на которое часто ссылаются оппоненты скифо-аланского ядра формирования эпоса, не имеет под собой доказательной основы.

В первую очередь напрашивается вопрос: существовали ли какие-либо ограничения или указания органов власти, предписывавшие больше внимания уделять выявлению и записи осетинских нартовских сказаний в противовес другим версиям эпоса? Или, может быть, какой-нибудь из народов – носителей эпоса был в опале у русского государя? Может, сказания хранились в

\* Чибиров Людвиг Алексеевич – д. и. н., профессор, г. н. с. ВНИЦ РАН и PCO-A (L.chibirov@mail.ru).

тайниках? На эти вопросы нет удовлетворительных ответов.

После окончания Кавказской войны, со второй половины XIX в., на Кавказе воцарились мир и порядок, которым в одинаковой степени пользовались все проживающие в регионе народности. Специальных указаний ученым и путешественникам воздержаться от сбора эпического материала также не могло быть, по той простой причине, что о существовании нартовских сказаний, по существу, до начала XIX в. никто даже не подозревал: на них наткнулись лишь при сборе фольклорного материала, можно сказать, случайно.

Исходя из сказанного, очевидно, что для изучения национальных вариантов эпоса все народы были поставлены в абсолютно одинаковые и равные условия; интерес к ним и публикация их, за незначительными отклонениями во времени, повсеместно начались одновременно. Более того, некоторым из народов – носителей эпоса повезло больше: они оказались в более выгодных условиях, ибо первыми, кто занялся сбором и публикацией нартовских сказаний, оказались известные представители первого поколения просвещенцев, урожденных кавказцев: адыги Хан-Гирей, Кази Атажухин и Шора Ногмов, ингуш Чах Ахриев, чеченец Умалат Лаудаев, балкарец С. Урусбиев, дагестанец Башир Далгат. Они выделялись среди других известных деятелей кавказской интеллигенции как самые выдающиеся ее представители.

Первооткрывателем нартовского эпоса у адыгов по праву считается Хан-Гирей. Он впервые издал отдельной книжкой нартовские сказания адыгов за год до ухода из жизни (1841 г.). Наряду с ним самым крупным собирателем кабардинского эпоса является Кази Атажухин, который издал первые нартовские сказания адыгов в 1864 г. Затем К. Атажухин публикует материалы о кабардинской старине, конкретно – об адыгских сказаниях, в периодических изданиях: ССКГ в вып. V (1871 г.), и СМОМПК в вып. XII (1891 г.). В отличие от них еще более выдающийся деятель адыгского народа Ш. Ногмов первенствовал в другом – он не только собирал нартовские сказания, но и, осмысливая их историческое содержание, использовал сказания как исторический источник в книге, посвященной истории адыгского народа. Наряду с ними на существование в адыгской среде нартовских сказаний указывал Люлье; значительная часть кабардинских сказаний опубликована Л.Г. Лопатинским в конце XIX в. на страницах того же СМОМПК. Как видно, адыгские нартовские сказания не были обделены вниманием, привлекли к себе интерес раньше, чем другие версии «Нартиады», и притом, что немаловажно, ими заинтересовались известные национальные кадры эпохи.

Первое упоминание о вайнахских сказаниях было в «Русских ведомостях» в 1865 г. Затем ими основательно занялся Чах Ахриев, который опубликовал обнаруженные им сказания в трех номерах ССКГ (1870, 1872, 1875 гг.). В первой своей публикации в IV выпуске ССКГ он поместил одно сказание, которому предпослал небольшое введение. В нем он знакомит читателя с ингушскими нартовскими сказаниями, делит эпических героев на няртов и пришельцев (настоящих нартов-орхустойцев), пишет о географии распространения сказаний. Через год в V выпуске он публикует еще два сказания, а в 1875 г. в IX выпуске – 6 сказаний; всего им опубликовано 9 сказаний. К концу века в известном российском журнале «Этнографическое обозрение» вышло еще несколько сказаний, собранных Баширом Далгатом.

Издание книги «Чеченское племя» Умалат Лаудаев провел работу по чеченским вариантам нартовских сказаний, аналогичную проделанной Ч. Ахриевым. Ценны сказания о чеченских нартах, собранные тем же Б. Далгатом. Так что до революции интерес к поискам и публикации как ингушских, так и чеченских нартовских сказаний был достаточным.

Что касается карачаево-балкарских сказаний, то их выявление и изучение немного запоздало. Карачаевские сказания впервые высветили Алейников и Дьячков-Тарасов; публикации относятся к рубежу 70–80-х гг. XIX в. Балкарскими нартовскими сказаниями впервые занялся известный краевед балкарец С. Урусбиев; удачны переводы сказаний на русский язык Н.П. Тульчинского.

В Дагестане первые сведения о нартах появились в печати в 1869 г. и принадлежали перу А. Чиркеевского; позже к нему присоединились П.К. Услар и Саид Габиев.

Какова же была картина с выявлением, записями и изданием нартовских сказаний в Осетии?

Впервые об осетинских нартовских сказаниях упоминают путешествовавшие по Осетии иностранцы Ю. Клапрот в начале XIX в. и А. Шегрен в 40-х годах того же столетия. Однако почему-то они остались без соответствующего внимания. И только в 1868 г. первые тексты народной поэзии (в числе их два сказания о нартах), собранные В. Цораевым и Д. Чонкадзе, были опубликованы в изданных академиком Шифнером «Осетинских текстах».

Настоящие «высокоценные» (В.И. Абаев) публикации нартовских сказаний в русском переводе были сделаны братьями Шанаевыми на страницах упомянутого выше издания – ССКГ: Джантемиром – в вып. V за 1871 г. и Гацыром – в вып. IX за 1875 г. Одни только собранные братьями сказания составляют 122 страницы в

ССКГ, что в разы больше, чем записанные в те же годы адыгские или вайнахские сказания, вместе взятые.

Одновременно с братьями Шанаевыми, но независимо от них, в Куртатинском ущелье записи сказаний делает доктор права Пфаф. Наконец, спустя десятилетие весомый вклад в сбор и изучение нартовских сказаний был сделан В.Ф. Миллером и его учениками. Миллер выразил свое отношение к осетинскому эпосу еще в 70-е годы XIX в., и, думается, он владел достаточной информацией не только об осетинских нартовских сказаниях. Сомневающемуся предлагаем познакомиться с научным аппаратом работ ученого, посвященных Нартиаде [15: 511–512]. Кстати, он был специалистом и по фольклору других народов Кавказа. Да и иранист Г. Бейли посвятил нартам работу, в которой дает ряд новых толкований и этимологий, широко пользуется литературой по нартоведению. Что касается Дюмезиля, то он вне всякой критики – прежде чем заняться осетинским фольклором, он был известен как крупный специалист по адыгскому языку и фольклору.

Исключением из правил стали абхазы. По непонятным причинам обнаружение и издание абхазских нартовских сказаний запоздало на целые десятилетия. По существу, изучением быта и фольклора абхазов со второй половины XIX века занималось немало иностранных и русских ученых и путешественников; непонятно только, почему было обойдено вниманием эпическое творчество народа.

Совершенно очевидно: ни один из народов – носителей эпоса не был обделен вниманием; собрание и публикация всех версий Нартиады прошли почти одновременно, интерес к ним был проявлен также одинаковый. Более того, как отмечено выше, собиранием и публикацией адыгских, вайнахских и балкарских нартовских сказаний занимались выдающиеся представители этих народов, глубже и яснее представлявшие их ценность и значимость.

Тем не менее факты – упрямая вещь: по разным измерениям – общему объему, завершенности сюжетных мотивов и циклов и другим эпическим параметрам – наиболее полными и завершенными оказались осетинские нартовские сказания.

В подтверждение сказанного несколько иллюстраций.

Как отмечено выше, Ч. Ахриевым было опубликовано всего 9 сказаний. При этом, видимо, знатоков эпоса оказалось не так много, иначе он не писал бы во введении к публикуемым текстам: «Здесь мы приводим все те сказания об орхустойцах, какие, пока, пришлось нам слышать между ингушами» [5: 8]. Слова эти не вызывают возражения, потому что ингушские нартовские

сказания получили распространение на сравнительно небольшой территории, в пределах одного из семи (Кистинское, Карабулакское, Галашевское, Назрановское, Джерахское, Цоринское) обществ – Галгаевского. Да и в самих сказаниях местом действий (встреч, походов, сражений) чаще всего упоминаются Казбек, Терек и другие топонимы и гидронимы, связанные с этим микрорайоном. По словам самого Ч. Ахриева: «Местом действий как орхустройцев, так и няртов служит Галгаевское ущелье... постоянное жительство этих героев, как уверяют народные сказания, есть Осетия, именно Саниба» [6: 2]. Да и в самих сказаниях нередко повествуется: после сражения (похода) орхустройцы возвращаются в сел. Саниба, а нярты к себе домой [6: 7].

К недавно изданным текстам ингушских нартовских сказаний прилагаются и работы по нартоведению составителя книги нартоведца И. Дахкильгова. С его легкой руки свержены все авторитеты, подвержены ревизии взгляды всех предшественников, даже таких авторитетных, как Ч. Ахриев и Б. Далгат, стоявших у истоков собирания сказаний.

Предъявляя обвинения в аланомании и пробаевской ориентации почти всем известным исследователям вайнахских сказаний о нартах (начиная с Ч. Ахриева и Б. Далгата, Д. Мальсагова и Х. Ошаева и кончая А. Мальсаговым, У. Далгатом), не сомневающимся в том, что в ингушскую среду эпос был привнесен извне, из Тагаурской Осетии, Дахкильгов, без серьезной аргументации, опровергает их мнение, чтобы назвать свою родину одним из центров формирования Нартиады [10: 423–424]. При этом одних из перечисленных ученых называет «корифеями ингушской и чеченской науки», а другим выражает признательность за то, что их труды «вывели в широкую науку местные эпические сказания» [10: 420–424]. Кстати, кроме местных специалистов, такого же мнения и другие исследователи (Миллер, Дюмезиль, Калоев и др.).

Прежде чем предъявлять свои претензии ингушскому коллеге по поводу его утверждения об ингушском ядре Нартиады, следовало задуматься над следующими вопросами. Если ингушские нартовские сказания не плод внешнего влияния – от примыкавшей к Галгаевскому ущелью Тагаурской Осетии (где и расположено сел. Саниба), – то почему нартовские сказания не получили равномерного распространения по всей Ингушетии, а сосредоточены лишь в одном из ее семи (!) обществ? Во-вторых, почему, как пишут вайнахские фольклористы, нартовские сказания более известны ингушам, чем чеченцам (это же один народ), а в Дагестане их проявление еще слабее (см. ниже). Почему Дагестан являлся периферией, на которой нартовский эпос затухал и сливался с фольклором иного характера, поче-

му дагестанские нарты – это не нарты в подлинном смысле, а люди-великаны, весьма схожие с северокавказскими великанами [9: 173, 174]? Неужели этого не достаточно, чтобы убедиться в забвении (затухании) нартовских сказаний по мере их удаления от центра возникновения и формирования?

Дахгильгова не устраивает установленное всеми исследователями деление ингушских нартов на местных няртов и пришлых орхустройцев. Между тем о том, что орхустройцы были пришлыми, говорят и их имена: Орзми (Урузмаг), Патараз (Батрадз), сын Хамчи (сын Хамыца), Соска-Солса (Созырыко-Сослан). Кроме того, в отличие от няртов, орхустройцы жизнь проводят в постоянных походах; бражничество – их удел. И, наконец, согласно исследованиям Ж. Дюмезиля, в самом слове орхустройцы разглядывается родовое имя Ахсартагата. Формы *orxustoy*, *arxtuau*, в которых конечное *y* – признак множественного числа, результат видоизменения осетинской фамилии [11: 192]. И еще. Все перечисленные выше персонажи представляли фамилию Ахсартагата.

Топонимика и гидронимика в нартовском эпосе служат лакмусовой бумагой для определения места действия событий. К примеру, в абхазских нартовских сказаниях действия чаще всего локализируются на севере от современной Абхазии, на территории Кубани, где жили исторические аланы. С аланами абхазцы поддерживали длительные этнокультурные связи, следствием чего могло быть проникновение в Абхазию нартовских сказаний и формирование на их основе национальной версии эпоса. Как пишет С. Урусбиев, ареной действий балкарских нартов также являлась Кубанская область [23: I–IV]. И в этом случае следы ведут опять к аланам, ибо горские татары заняли верховья р. Кубань, когда уже был завершён процесс формирования нартовского эпоса. В подтверждение сказанному в осетинских нартовских сказаниях наблюдается частое упоминание Черного моря, владыки морей Донбеттыра, необозримых степей и т. д. А это излишнее доказательство того, что окончательное оформление нартовского эпоса произошло в I тыс. н. э., когда сармато-аланы занимали примыкавшие к Черному морю территории Северо-Западного Кавказа.

По данным фольклориста Т.А. Хамицаевой: «В дореволюционный период рассказали или напели осетинские нартовские сказания 28 сказителей, в их репертуаре число сказаний колеблется от одного до 15» [24: 137], что в среднем больше 200 сказаний.

Исполнителей адыгских нартовских сказаний было гораздо больше, но тоже недостаточно. Публикуя три нартовских сказания в ССКГ (1871 г.), К. Атажухин предупреждал, что не может «ру-

чаться за совершенную полноту приводимых... сказаний, так как по редкости лиц, которые хорошо знали бы песни, с каждым днем все более забываемые, мы не могли записать их от разных лиц и сличить варианты» [4: 52].

Что касается ингушских нартовских сказаний, то они, как по объёму, так и по сюжетному разнообразию, уступают осетинским и кабардинским. К примеру, до революции ингушских нартовских сказаний выявлено около 20, что меньше, чем у адыгов, и в разы уступает собранным в Осетии.

И советская власть абсолютно никакие помехи не ставила для развития национального фольклора; все народы Кавказа были поставлены совершенно в равные условия по сбору и публикации произведений устного народного творчества. Были открыты научно-исследовательские институты, которые занимались и этой важной работой. Тем не менее посмотрим на факты. В 20-е годы в Северной и Южной Осетии были записаны нартовские сказания от 46 сказителей. В 30-е и 40-е годы на севере и юге Осетии записаны нартовские сказания еще от 232 сказителей(!). А цифра эта при среднем подсчете числа сказаний на одного сказителя представляется внушительной: свыше 800 сказаний. Для сравнения, в предвоенные годы Советской власти, время, так сказать, безоблачное, исследованием ингушских сказаний занимался целый ряд ученых: Х. Осмаев, Б. Мурталиев, Д. Мальсагов, Л. Семенов, Е. Крупнов, Л. Ахриева, А. Аушев; и утверждение, что до 60-х годов ингушское нартовведение практически не развивалось [10: 387]), не соответствует действительности. Судя по текстам ингушских сказаний, изданных в 2012 г., в 20-е и 30-е годы XX в. было собрано около 15 новых сказаний.

Положение в Кабарде и других адыгских районах было сравнительно лучше, но не таким, как хотелось бы. В статье, посвященной нартовскому эпосу, М.В. Рклицкий, проводя сравнительный анализ работы по записи осетинских и кабардинских сказаний, писал: «Лица, занимающиеся кабардинским фольклором, указывая на ценность нартовских сказаний и на их известность среди кабардинцев, приводят, однако, лишь три-четыре сказания, да и то заимствованных как у Лопатинского, так и из других печатных источников. И вместо ценных, по их утверждению, кабардинских сказаний, заполняют свои издания всякого рода другими произведениями устного народного творчества, только не нартовскими» [18: 22].

В статье Б.А. Калоева «История записи и публикации нартовского эпоса» подробно излагается, с каким энтузиазмом собирались нартовские сказания народами Кавказа, а также достигнутые при этом каждым народом успехи. Но и в этот период осетинская интеллигенция опережала не только в собирании и издании сказаний,

но и в научном их осмыслении [12: 189–194]. Об общем состоянии нартоведения в Осетии можно судить по данным Т. Хамицаевой. С 70-х годов XIX века до 50-х годов прошлого столетия в общей сложности осетинские нартовские сказания были записаны от 360 сказителей [24: 154–157]. При этом в списке значится немало сказителей, от которых записано 14, 15 и даже 17 сказаний. Следует добавить к сказанному, что в СОИГСИ в истекшем году завершилось фундаментальное издание нартовских сказаний осетин в семи солидных томах с общим объемом более 280 авторских листов; количество произведений, включенных в этот семитомник, составляет более 800(!) сказаний.

В чем же причина, чем объяснить такое опережение, превосходство? Для ответа на поставленный вопрос начнем с человека, который одним из первых обнаружил в живом быту осетин эти «исторические сказки». Им был исследователь древней истории, этнологии и народного права осетин доктор права В.Б. Пфаф. В ходе продолжительных экспедиционных поездок он превратился и в одного из первых собирателей эпического творчества осетин. Пфаф совершил экспедиции по всем горным ущельям Северной и Южной Осетии (в 1869–1871 гг.). Наряду с другими материалами историко-культурного характера в Куртатинском ущелье Пфафом были записаны и первые образцы нартовских сказаний от талантливого сказителя, прекрасного знатока старины Э. Жантиева. Наиболее содержательно сказание о Батрадзе. В нем полностью отражено то представление, которое сложилось и утвердилось за этим образом, все его знаменитые походы, детали мщения нартам за смерть отца и др. При этом, по рассказу Жантиева, было два периода в жизни Батрадза: первый, когда он был прекрасным юношей, и второй, когда Батрадз стал мстителем. «Батрадз у осетин бог, – пишет Пфаф, – и подлинную песню о нартах осетины слушают до сих пор с таким же благоговением, как мы Евангелие» [17: 167]. Представляют интерес и сказания о Сатане и Сырдоне.

Ценность экспедиционных наблюдений Пфафа и в том, что он сам непосредственно слушал, записывал и прочувствовал отношение простых горцев к эпическим героям. А это было время, когда впервые сказания стали записываться и обнародоваться. Пфаф ощутил великую любовь к ним народа, для которого они являлись неотъемлемой частицей духовного кредо, духовной составляющей, не скрытой где-то в глубине, а лежащей на самой поверхности жизни. «Всякий осетин, – писал он, – знает наизусть кое-какие места из этой эпопеи, но лишь отрывками, не понимая, конечно, ни связи между этими рассказами, ни их глубокого значения для истории человечества. Редкий старец или даровитый юно-

ша не помнит целиком два-три, и если много, десять *рапсодий* (выделено нами. – Л.Ч.) этого обширного творения народной осетинской литературы» [16: 55]. Он же писал: «У осетин каждая сколько-нибудь выдающаяся личность древности обозначается почетным названием *нарт*» [16: 135]. Все это писалось два столетия назад иноземцем, никакими родственными узами не связанным ни с Кавказом, ни с осетинами.

Подобно Ногмову, приписывавшему нартов к истории адыгского народа, Пфаф также ошибочно трактовал вопрос о происхождении осетин, считал нартов реальным племенем, переселившимся с южного побережья Каспийского моря и составившем часть истории осетинского народа. Он считал эпос принадлежащим иранскому народу.

Тем не менее роль Пфафа в выведении в свет нартовских сказаний велика. Будучи одним из первых познакомившихся с нартовскими сказаниями, он же стал одним из первых ученых, который распознал их подлинную научную ценность. Это он, обращаясь к современникам, умолял и просил взяться за их изучение. «Для многих других исследований по описанию Кавказа время еще терпит, но для собирания кавказских исторических сказок и преданий – решительно – *requisitum jn moга*» [16: 60]. Более того, Пфаф советовал будущим исследователям заняться их сравнением с древнеиранскими и греческими мифологическими сказаниями. Таким образом, Пфаф оказался первым, кто призывал к изучению ареальных связей эпоса, призыв оказался, можно сказать, пророческим.

Помимо Пфафа о большой популярности сказаний среди народа писали и другие авторы. Необычное богатство эпического фольклора подчеркивал современник Пфафа, один из первых собирателей сказаний Джантемир Шанаев. В предисловии подготовленной им первой публикации нартовских сказаний осетин он писал: «Нужно признаться, что хотя поле для собирания «нартовских сказаний» велико, даже *слишком велико* (выделено нами. – Л.Ч.), однако на этот раз я не мог явиться полноправным его хозяином, – я не успел собрать столько сказаний, сколько желал» [25: 1].

Большой знаток эпоса, создатель непревзойденных графических работ к осетинским сказаниям М.С. Туганов писал: «В старину на народные празднества стекались лучшие силы со всех концов Осетии, устраивалась настоящая (говоря современным языком) олимпиада. Лучшие сказители, представители разных ущелий, рассказывались на игорном поле и один за другим состязались в содержательных, лучших напевах и пересказах нартовских сказаний. Играли они чаще всего на «кисын фандыр», реже на двенадцатиструнной («*дуадæстæнон*») арфе.

Музыкальный мотив каждого сказания о каждом герое был строго определен. Мастерство народных сказителей часто передавалось из рода в род, от отца к сыну» [22: 87]. Многие старожилы не проводили грань между собой и нартами. Е.М. Мелетинский сообщал: «В одной из дигорских деревень жила семья, непосредственно возводившая себя к нартам» [14: 37]. О том, насколько близко воспринимали осетины нартов, еще одна цитата: «Трудно убедить простого горца в том, что нартов не существовало в действительности. Он готов согласиться, что многие подвиги и приключения нартовских героев – вымышлены, но чтобы самих этих людей, таких живых, таких рельефных, как бы выточенных из целых глыб, можно было бы выдумать «из головы» – этого он никак не может допустить» [2: 219].

Думается, приведенных выше иллюстраций вполне достаточно в доказательство того, какая необыкновенно богатая почва существовала в Осетии для собирания нартовских сказаний. Так можно любить и быть привязанным только к чему-то родному, тобою порожденному.

Заслуживают внимания памятное место, связанное с нартом Сосланом, а также многочисленные нартовские ныхасы.

Жители Куртатинского ущелья показали Пфафу гробницу в с. Лац, в которой, по их представлениям, похоронены нарты. Показали ему в том же селении груды камней, где будто бы стоял дом этих нартов, небольшую ровную площадку, которая до сих пор называется «Нарты симды фæз» (поляна нартов для исполнения танца симд). Все это, как утверждали жители, принадлежало нартам.

Нартовские ныхасы имеются и в соседних с Северной Осетией регионах, но не в таком количестве. В специальной статье А.Ю. Скакова, посвященной кавказским нартовским ныхасам, на одной только территории Северной Осетии учеными выявлено и описано их 15. Вот селения с нартовскими ныхасами: Лесгор, Кумбулта, Мацута, Ахсау, Галиат, Мадзеска (Дигория), Калак, Тиб, Потифаз, Дагом, Тамиск (Алагирское ущелье с Мамисоном), Даллагкау, Зилахар, Лац, Кадат (Куртатинское ущелье), Джимара (Тагаурия), Цоцолта, Таранджелоз, Верхний Дес (Трусовское ущелье). Северная Осетия и в этом плане исключение: такого количества нартовских ныхасов и такого равномерно-территориального размещения их нет ни в одном регионе Кавказа. Эти памятники материальной культуры, по предположению автора статьи, следует датировать аланским временем [19: 282–309].

Вторая половина XIX в. была временем, когда популярность и распространенность нартовских сказаний (за которыми тысячелетний путь возникновения и развития) достигли апогея и начался процесс их забвения. Это и понятно: в услови-

ях отсутствия письменной традиции нартовские сказания сохранялись в народной памяти на протяжении многих столетий благодаря своему непредвиденному художественному обаянию, и для них наступало время исчезновения. Об этом можно судить хотя бы по тому, что в пору Пфафа сказания о Хамыце и Сырдоне уже пелись редко и отрывочно. Потому он настаивал: «Эти отрывки в скором времени могут исчезнуть совсем и если не собрать их теперь, то через какие-то 5, 10 лет не будет о них и слуха». Автор хотя и сгущает краски (к счастью, их успели собрать), но несомненно одно: пик наиболее полного распространения сказаний приходится на XIX в. После присоединения Кавказа к России, по мере распространения русского языка и русской культуры все более сдавали свои позиции родной язык и родная культура. Это имел в виду народный сказитель Э. Жантиев, когда жаловался Пфафу: «Я многое уже забыл, вообще мы учимся теперь от русских и скоро забудем совсем наши песни и предания». И, как бы сочувствуя сказителю, Пфаф писал: «Моих сил будет недостаточно для того, чтобы спасти хотя бы, по крайней мере, основные идеи этих исчезнувших сказаний» [16: 60].

С 50-х годов прошлого столетия нартовские сказания начали исчезать. Согласно исследованию С.М. Алхасовой, адыгские нартовские сказания сравнительно недавно стали достоянием истории мировой культуры [3].

В этой связи обращает на себя внимание картина, наблюдаемая в соседней Ингушетии. Из 117 сказаний, вошедших в недавно изданный «Ингушский нартовый эпос», более 70 % записаны с 50-х годов прошлого века до наших дней; последние сказания датируются 2012 г.(?!). Получается странная картина: к этому времени у всех других народов героические сказания практически исчерпаны, а в Ингушетии наоборот – этот период ознаменован творческим подъемом сказителей. Тут, как говорят, комментарии излишни.

Таким образом, проф. В.К. Гарданов оказал ся неправ. Причина наибольшей разработанности и совершенства нартовского эпоса осетин была вовсе не в чрезмерно большом внимании к их поискам и публикациям. Причина была в другом: сказания были плотью и кровью алано-осетинского народа, родились в его душе, передавались из поколения в поколение и потому глубже и ярче сохранились в народной памяти.

Из других кавказских народов наиболее богатыми являются адыгские нартовские сказания, особенно кабардинские, что имеет историческую подоплеку. Причину этого наиболее полно раскрыл Е. Мелетинский, мнение которого мы полностью разделяем: «Во-первых, основу аланского союза племен, кроме алан и других сарматских племен, составляли сарматизи-

ванные синдо-меотские племена, которые принято считать предками современных адыгских народов; во-вторых, аланы могли участвовать в этногенезе не только осетин, но и адыгских народов. В особенности это относится к кабардинцам, занявшим...значительную часть территории исторической Алании, ассимилировав при этом сохранившееся там аланское население...остатки алан, вошедшие в состав кабардинской народности, могли сыграть значительную роль в распространении нартского эпоса; в-третьих, следует учитывать влияние фольклора народов друг на друга, длительное взаимодействие народного творчества осетин, адыгов и других народов Кавказа» [14: 37, 226].

Можно считать установленным: чем дальше от алано-адыгского эпицентра (Северо-Западного Кавказа), тем влияние эпоса слабее, идет процесс затухания. Для подтверждения сказанного – всего один пример. В своем исследовании об устно-поэтическом творчестве чечено-ингушского народа Д.Д. Мальсагов и Х.Д.

Ошаев пришли к такому выводу: «Нартские сказания чаще встречаются у ингушей, нежели у чеченцев. В районе, прилегающем к Дагестану, образы нартов становятся все более смутными и фантастическими, их имена в сказаниях исчезают» [13: 22].

Таким образом, исходя из вышеизложенного:

1. Собрание и издание разных версий нартского эпоса у всех народов Кавказа (кроме абхазцев) началось примерно в одно и то же время и равными интеллектуальными возможностями.

2. Относительное богатство и полнота осетинских нартских сказаний, интенсивное распространение эпоса среди осетин – результат не особого внимания к ним собирателей, издателей и исследователей эпоса, а того, что сказания эти, зародившись в скифо-сармато-аланской этнической среде, нашли благодатную почву в быту осетин, в этногенезе которых аланский суперстатный компонент сыграл решающую роль.

#### ЛИТЕРАТУРА

1. **Абаев В.И.** *Нартский эпос* // Известия СОНИИ. Вып. X. Дзауджикау, 1945.
2. **Абаев В.И.** *Избранные труды. Религия. Фольклор. Литература.* – Владикавказ, 1990.
3. **Алхасова С.М.** *Проблемы перевода адыгского фольклора.* – Нальчик, 2000.
4. **Атажухин К.М.** *Из кабардинских сказаний о нартах с предисловием их собирателя* // ССКГ. II. Вып V. Тифлис, 1871.
5. **Ахриев Ч.** *Ингуши, их предания, верования и поверья* // ССКГ. I. Вып. VIII. Тифлис, 1875.
6. **Ахриев Ч.** *Несколько слов о героях в ингушских сказаниях* // ССКГ. I. Вып. IV, Тифлис, 1870.
7. **Гарданов В.К. В.И. Абаев.** *Нартский эпос* // Советская этнография, 1947, №2.
8. **Далгат У.Б.** *Героический эпос чеченцев и ингушей.* – М., 1972.
9. **Далгат У.Б.** *К вопросу о нартском эпосе у народов Дагестана* // *Нартский эпос. Материалы совещания.* – Орджоникидзе, 1957.
10. **Дахкильгов И.А.** *Ингушские нартские сказания.* – Нальчик, 2012
11. **Дюмезиль Ж.** *Осетинский эпос и мифология.* – М., 2001.
12. **Калоев Б.А.** *История записи и публикации нартского эпоса* // *Нартский эпос. Материалы совещания.* Орджоникидзе, 1957.
13. **Мальсагов Д.Д., Ошаев Х.Д.** *Устное поэтическое творчество чечено-ингушского народа* // *Очерки истории чечено-ингушской литературы.* – Грозный, 1963.
14. **Мелетинский Е.М.** *Место нартских сказаний в истории эпоса* // *Нартский эпос. Материалы совещания.* – Орджоникидзе, 1957.
15. **Миллер В.Ф.** *В горах Осетии.* – Владикавказ, 1998.
16. **Периодическая печать Кавказа об Осетии и осетинах.** Кн.7. – Владикавказ, 2013.
17. **Пфаф В.Б.** *Путешествие по ущельям Северной Осетии* // ССК. Вып. I. – Тифлис, 1871.
18. **Рклицкий М.В.** *К вопросу о нартах и нартских сказаниях* // *Известия СОНИИ.* – Владикавказ, 1927. Вып. 2.
19. **Скаков А.Ю.** *«Нартские ныхасы» Кавказа* // *Миропонимание древних и традиционных обществ Евразии. Памяти В.Н. Черенцова. Сборник статей.* – М., 2006.
20. **Скитский Б.В.** *Очерки по истории осетинского народа. С древнейших времен до 1867 г.* – Орджоникидзе, 1947.
21. **Туганов М.С.** *Кто такие нарты?* // *Известия СОНИИ.* – Владикавказ, 1926. Вып.1.
22. **Туганов М.С.** *Новое в нартском эпосе* // *Известия ЮОНИИ, вып.1.* – Сталинир, 1946.
23. **Урусбиев С.** *Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области* // *СМОМПК. Вып. 1 отд. 2, 1881.*
24. **Хамицаева Т.А.** *Сказители осетинского нартского общества* // *Нарты. Осетинский героический эпос. Книга 3.* – М., 1991.
25. **Шанаев Дж.** *Осетинские народные сказания* // ССКГ. Вып.V, отд. II. – Тифлис, 1871.

## TO THE QUESTION OF “NARTIAD” SCRUTINY’S DEGREE

Chibirov L.A.

Doctor of History, Proff. Head of the Department of Ethnology. V.I. Abaev North-Ossetian Institute for Humanitarian and Social Studies of VSC and the Government of North Ossetia-Alania, Vladikavkaz, Russia (L.chibirov@mail.ru.).

**Abstract.** *Collecting and publication of Narta epos' version (besides the Abkhazians) began about the same time and by equal intellectual disabilities. The richness and fullness of Ossetian version of epic is not the result of collectors and scientists attention to them, but the fact that the stories originated in the Scythian-Alan environment and found fertile ground in the Ossetians' way of life in which ethnogenesis the Alan superstat played a decisive role.*

**Keywords:** Narts. Kadags / Sagas. Studying. Recording. Publication. Adygs. Vainakh. Caucasus. Scythian Alans. Ossetians.